

Расшифровка эфира от 24.05.2011

БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ ДУБРОВИН. ПРОФЕССОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ ВЫСШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Георгий Бовт: Сейчас поговорим об образовании и науке. Министерство образования науки провело первый масштабный конкурс на поддержку исследований разработок на базе российских ВУЗов, в частности, привели российских ученых университетов зарубежных, - США, Япония, Великобритания. Германия, Италия, Швейцария. С победителями встретился президент Медведев. Встреча прошла довольно в живой дискуссии, было высказано много, я так понимаю, претензий к российской стороне. У нас один из победителей - **профессор международной школы высших исследований Борис Анатольевич Дубровин**. Сначала расскажите о себе.

Борис Дубровин: Я математик. Прежде всего, то место, я где я работаю в Италии - не только учебное заведении. Но и исследовательское заведение. Это можно называть аспирантурой. Но помимо учебы, мы должны проводить наши собственные исследования. Там работают не только математике, но и физики. Живу я в Италии уже 20 лет, хотя до этого вся моя жизнь прошла внутри московского университета.

Г.Б.: Вы там оказались случайно?

Б.Д.: Я это не планировал, в этом смысле случайно. В общем, я в какой-то степени доволен, потому что я нашел там много людей, которые были заинтересованы в моей присутствии. Моя личная творческая карьера, по крайней мере, первые годы жизни в Италии были довольно успешные. Студенты. С которыми я работаю. Достаточно приличного уровня. Хотя с ними, приходится много работать.

Г.Б.: А те коллеги, которые с вами работали в МГУ. Они сейчас там же?

Б.Д.: Многие в МГУ, поэтому связь с ВУЗом не прерывалась, хотя за 20 лет она ослабла. Я регулярно приезжаю, выступаю на конференциях.

Г.Б.: Вы можете сказать, что российская наука отстала и. если да, то на сколько?

Б.Д.: Трудно сказать, в математике ситуация лучше, чем в науках экспериментальных, хотя и здесь мне кажется, уровень образования на Мехмате, который был высочайший, мое первое впечатление, я начал смотреть более пристально, первое впечатление, что сейчас он уже не такой высокий, как был 20 лет назад. Многие из моих коллег все еще были здесь 20 лет назад. Много мотиваций заниматься математикой, может, сейчас их меньше, чем было тогда. За те месяцы, когда я начала делать что-то для своей будущей лаборатории. На меня приятное впечатление произвело, сколько молодых людей заинтересованных очень высокого уровня, которые хотят делать математику. Математика составляет единое целое и идея организации этой лаборатории - не чтобы заниматься узким проектом, но объединить большой круг молодых математиков, которые этим интересуются.

Г.Б.: Что вы должны на выходе сделать?

Б.Д.: Это трудно сказать, что, о математике трудно рассказывать. Если кратко, математика делится на чистую и прикладную. Это деление конечно весьма условно. Серьезное продвижение в чистой математике неизбежно находит продолжение. Моя сверхзадача заключается в том, чтобы какие-то разделы чистой математики, которые я считаю важными, что-то до них довести, чтобы что-то из них можно было использовать в прикладной математике. И конечно, математические факультеты ведущих университетов, они еще производят мозги. Этот продукт,- моя главная забота. Поднять уровень образования в том направлении, в котором я работаю. Не случайно я говорю о мозгах. Если посмотреть на американские банки, или страховые компании, они охотно берут математиков, или физиков. Они берут молодых людей, которые специализировались в вещах совершенно абстрактных.

Е.С.: А как вы считаете, вот эти исследования, которыми вы будет заниматься на базе МГУ, они кому-то нужны в России?

Б.Д.: Я для этого и приехал, потому что считал, что то, чем я занимаюсь и чем, надеюсь, буду заниматься это нужно для всех и в том числе для России. Нельзя обойтись без фундаментальной науки.

Е.С.: У нас с фундаментальной наукой последнее время тяжело.

Б.Д.: Да, по-видимому, есть какие-то проблемы. Я пока только непрерывно месяц пробыл, вчера мои коллеги. Которые занимаются прикладными исследованиями, говорили президенту о тех проблемах с закупками лабораторных животных, проблемы по ФЗ и так далее. Даже помимо формальных вещей, здесь как-то все сложно.

Г.Б.: Беседуем с профессором Международной школы высших исследований Италии, Борисом Дубровиним. Он участвовал во встрече с президентом среди тех российских учёных, работающих за рубежом, которые получили грант на то, чтобы поработать здесь какое-то время. И вот мы поставили запятую на фразе «здесь всё трудно». С какими трудностями вы уже столкнулись?

Б.Д.: Прежде всего трудности начались сначала. Ведь результаты гранта были объявлены ещё в конце прошлого года. И мы решили сразу начинать. С чего должны начинать математики? С того, что нужно образовать какую-то группу молодых людей, которая готова с нами сотрудничать, организовать для них школу. Ну и дальше спецкурсы. Лучше это делать так, как мы делаем. Мы находим какое-то место вдали от обитаемых центров. Туда собираем студентов и оплачиваем им проживание. Они там не занимаются ничем, кроме как слушают лекции и обсуждают их между собой.

Г.Б.: Помимо лекций же происходит общение.

Б.Д.: Конечно. Ща счёт того, что эти люди живут изолированно, то у них нет других дел, кроме как заниматься исследованиями. Мы попытались организовать такую школу. У нас было место. Московский университет, где я работаю, имеет свою базу в Красновидово. И там мы школу и организовали. Школа Московского университета. Грант выделен для деятельности этого университета. Мы не смогли организовать эту школу.

Г.Б.: А что там? Коттеджи уже построили?

Б.Д.: Дело не в том, что там построили. Какие бюрократические процедуры, о которых я не очень понял, в чём проблема.

Г.Б.: Помещение есть?

Б.Д.: Есть, деньги есть, но поехать туда нельзя. А почему – непонятно. В конце концов, мы организовали эту школу с помощью математического института им. Стеклова. Мы провели несколько лекций, но это было тоже неплохо. И такие пустяки. Я в Италии 20 лет живу. Итальянская бюрократия тоже не подарок. Но там как-то делается всё. Быстро. Те же школы мы можем организовать, компьютеры закупить. Всё это делается за недели.

Г.Б.: А вы Медведеву что сказали?

Б.Д.: Я ничего не сказал, потому что мы обсуждали с моими коллегами и решили, что в основном должны говорить те, кто связан с экспериментальной сферой.

Г.Б.: Да. Они же не могут реактивы ввезти.

Б.Д.: Да. Реактивы, подопытные животные.

Г.Б.: И что же? Решит?

Б.Д.: Было сказано что...

Г.Б.: С мышами решит президент? У нас же проблема с чистыми мышами.

Б.Д.: Их нужно ввозить. Сельхознадзор нужен. Специальные согласования с ним нужны. А он тянет с ними.

Г.Б.: А с гранта вы же откат не дали никому. У нас со всех грантов полагается откат.

Б.Д.: Не будет с нас никакого отката.

Г.Б.: Им с вами скучно.

Б.Д.: В этом есть некоторый серьёзный момент. У меня большой опыт по грантам. Здесь дело не в откате, а в накладных расходах. Со всех моих грантов Международная школа высших исследований получает некую долю оверхэда. Так положено.

Г.Б.: Потому что вы от них ушли.

Б.Д.: Я никуда не ушёл. Я с ними работаю. Я получаю европейский грант, и с него моя школа получает долю.

Г.Б.: Они вас пригрели, то сё.

Б.Д.: Это люди, которые работают на меня. Это бухгалтерия, секретари, которые эту всю работу под тем же самым тендером по организации школы для меня делают. И их работа должна быть оплачена.

Г.Б.: А МГУ?

Б.Д.: Дело не в МГУ. Дело в том, что с самого начала было сказано, что по этим грантам никакие накладные расходы не предусматриваются. Дело не в откате, а в том, что должно быть. И во всей международной практике грантов это есть.

Г.Б.: Они всё по себе меряют. Оттуда всё и идёт.

Б.Д.: Просто они не подумали. Этот момент остался непродуманным.

Г.Б.: А я думаю, что он как раз продуман. Он был сознательно продуман, потому что в менталитете российского чиновника накладные расходы предполагают целый ряд конкретных действий, в которых он и подозревает тех, кто получит грант. «Это он сейчас нам такое понапишет», - думают чиновники. Они не понимают, что можно нормально работать. У них это не укладывается. Вы прошли 20 лет эволюции разом. Вы прилетели с Марса на Луну.

Б.Д.: Немного есть такое ощущение. Сейчас я стал вникать в эти бюрократические процедуры. Может быть. МГУ у всех на виду. Это ведущее научное учреждение.

Г.Б.: Вы – человек мужественный. Я, когда учился на истфаке в МГУ, у нас был уникальный случай, когда приехали американские профессора читать курс лекций. Вы представляете, что там было. Там это решалось всё не через капиталистические штучки с откатами. Там решалось всё через парторганизации. Это было настолько эффективнее, чем сейчас. Они очень толково читали эти курсы. И они книги с собой привозили. И никакая таможня, потому что было письмо из парткома. Там ничего не надо растаможивать. Целую библиотеку создали, благодаря этому.

Б.Д.: Я бы не стал голосовать за то, чтобы остановить партком.

Г.Б.: И вот так всё было. А сейчас нет парткома. А в Единую Россию не обратишься - они не по этой части. И вы в этих условиях приезжаете. У нас в стране есть такое явление как социальная зависть. Вы работаете не в Красновидово, где кругом леса, болта и топи. Есть коллеги, которые работают на определённую зарплату на определённых условиях. И российские академики изначально были немного против такой системы. Лучше дайте нам денег, и мы всё сделаем лучше. Что-то это их тут поддерживают? Они сагируют ребят, и те за ними поедут. Надо своих поддерживать. Есть такое?

Б.Д.: Не знаю. Ко мне с такими претензиями никто не обращался. Академия наук – гигантская структура. Там сотни, или даже тысячи институтов. По сравнению с этой гигантской структурой, то, что сейчас создано из 40 грантов, это мало. Если я правильно понимаю, то идея организации этих грантов была такой, что нужно начинать с малого. Можно было дать всем институтам поровну. Но альтернативное решение организовать, сделать какое-то зерно и ждать, пока вокруг этого зерна что-то начнёт развиваться. Эта структура не будет 100% новой.

Г.Б.: Вы встретили благоприятный приём?

Б.Д.: Те коллеги, с которыми я работаю, встретили нас очень благожелательно. Сказать, что он во всём был идеально благоприятным... Ну не во всём. Что-то нужно было выбивать. **Г.Б.:** У нас в стране относительно больше знают про систему образования в Америке, Германии. Франции. Почти ничего не знают об Италии. Как там все устроено, чем мотивированы студенты?

Б.Д.: Система образования в Италии, то, что сейчас называют болонской системой - сейчас это принято во всей Европе и вводится так же в России.

Г.Б.: Приходится много проклятий в адрес этой системы.

Б.Д.: В общем, я не в восторге от этой системы, но в Италии мы привыкли уже, нашли способ с этим справляться, конечно. Тот уровень образования, который студент получает после трех лет университета, это еще не настоящее высшее образование. С другой стороны, если посмотреть на английскую систему, где после трех лет система образование уже заканчивается, итальянская система... Здесь нужно различать, говорим ли мы о математическом, физическом образовании, или о бизнес образовании. Есть несколько ведущих высших учебных заведений. Молодых людей, которые хотят заниматься математикой, по-прежнему много. Это в сравнении с тем, что происходит в Америке, говорят, что на математику американские студенты почти не хотят идти. В основном студенты из Китая, Индии. У нас пока нет проблем с тем, чтобы найти хороших студентов. Мы берем в нашем секторе в год 8 аспирантов. Эти аспиранты занимаются, как правило, у меня не было никаких проблем.

Г.Б.: Бесплатно или платно?

Б.Д.: Это бесплатно, более того, аспиранты получают стипендию от государства порядка 1000 евро в месяц. Для тех, кто заканчивает аспирантуру, уже есть такой институт постдоков. Уже молодой кандидат наук едет, как правило, в какой-то другой университет. Чаще мы стараемся посылать людей в другие страны, и проводят там 2 - 5 лет.

Г.Б.: Это кто оплачивает?

Б.Д.: У нас пока есть государственные фонды. Все на конкурсной основе в отличие от студентов младших курсов. Все, кто хотя т могут поступить.

Г.Б.: Ну, тест?

Б.Д.: Никаких тестов, просто я хочу учиться математике - пожалуйста! Если тебя не выгонят через год, пожалуйста.

Г.Б.: А какой отсев?

Б.Д.: Существенный.

Г.Б.: Никаких экзаменов?

Б.Д.: Никаких экзаменов, они есть на медицинский, юридический. У нас раньше не было обычных студентов университетских, сейчас есть совместная программа, куда мы отбираем студентов уже на конкурсной основе. Это тоже государственных деньги, а деньги на постодоковские позиции. Небольшое количество остается государственных. Но это сходит на ноль. Я могу им платить только из своих грантов. У меня есть итальянский гранд, есть гранты европейские,

Г.Б.: Вы сами распределяете эти деньги?

Б.Д.: Я сам распределяю. Сам произвожу отбор.

Г. Б.: Мы тут в России очень много спорим про ЕГЭ. Больше таких отрицательных отзывов. Как она работает в Европе?

Б. Д.: В Италии нет никакого ЕГЭ. Для того, чтобы поступить в любой университет почти на все специальности, кроме избранных, типа медицины и юриспруденции, никакого экзамена сдавать не надо.

Г.Б.: А как же они их отбирают?

Б.Д.: Отсеются. Студенты младших курсов стипендии не получают. Они должны прожить за свой счёт. Если они готовы на такие издержки...

Г.Б.: То есть у тебя есть шанс. Иди и учись. Иначе просто отсеешься. А как напряжённо они учатся?

Б.Д.: По-разному. Многие учатся подолгу.

Г.Б.: То есть берут 2 курса в семестр?

Б.Д.: Можно брать сколько-то курсов, но решающий момент, когда ты сдашь экзамены. Мало кто кончает, получая степень бакалавра. Эти 3 года растягиваются на 5 лет и на больше.

Г.Б.: Это плохо.

Б.Д.: Конечно. У нас обычная школа. Школьники заканчивают школу уже в 19 лет. Это возраст, когда я закончил 2 курс университета. Это уже поздно, чтобы заниматься наукой. Нужно начинать как можно раньше. Если ещё тянуть потом в университете, то это я не считаю положительным моментом. С другой стороны я вижу, что некоторым из наших студентов под 30, а они неплохо занимаются.

Г.Б.: Учатся и учатся.

Б.Д.: Некоторые просто галочки получают, а некоторые учатся и чего-то достигают. Так что здесь нет универсальных рецептов.

Г.Б.: А то, что вы увидели среди своих русских аспирантов? У них какая мотивация? Правда ли, что в них чувствуется желание уехать?

Б.Д.: Мотиваций много. Я не думаю, что эта - главная.

Г.Б.: Много ли таких фанатиков как Перельман?

Б.Д.: Он какой-то сложный. Но я хочу сказать, что, чтобы по-настоящему заниматься математикой, недостаточно думать о том, чтобы уехать. Это будет ничем. Это нужно любить.

Г.Б.: И такие есть?

Б.Д.: Да. Может быть, они думают о том, чтобы уехать. Кто знает?

Г.Б.: Атмосфера, которая в нынешнем МГУ по сравнению с тем, что было 30 лет назад, как изменилась? Кроме того, что там очень много машин запарковано.

Б.Д.: Машин много. На Мехмате всё тише стало. В наше время на Мехмате с утра были обязательные занятия. Потом начинались специальные курсы, специальные семинары, которые шли допоздна. Все аудитории были забиты. Жизнь кипела до 10 вечера. Нужно было заранее бронировать аудитории.

Г.Б.: Пустеет.

Б.Д.: Да. Немножко не так было.

Г.Б.: А как?

Б.Д.: Именно, что я мало вижу людей.

Г.Б.: Пришли, отсидели и ушли.

Б.Д.: На заседании Московского математического общества, которое проводится регулярно раз в неделю, они и сейчас проводятся, очень интересные доклады, но народу меньше, чем было в своё время.

Г.Б.: А как так культурно-общественная жизнь?

Б.Д.: А что вы под эти подразумеваете?

Г.Б.: Спортивные соревнования и так далее.

Б.Д.: Я далёк от этого.

Г.Б.: Вы здесь на 2 года?

Б.Д.: Грант на 2 года рассчитан. Это тоже момент, который затрагивался во вчерашней встрече с президентом. Не то, что мы сейчас хотим получить обещание, что через 2 года мы здесь останемся и будем продолжать. Но за 2 года что-то мы сделаем, но надеюсь, что мы запустим лаборатории, но не хотелось бы, чтобы через 2 года это дело умерло. Мы будем делать всё. Чтобы это дело раскрутить. Но не всё зависит от нас.

Г.Б.: А пока это курс лекционный? Это не лаборатория.

Б.Д.: Для математики лаборатория – несколько неправильное название. Мы не режем лягушек. Мы занимаемся чистой математикой. Хотя то, что мы делаем в прикладной математике, связано с серьёзным применением компьютеров. И пока этих компьютеров нет. Мы их не можем закупить, хотя у нас есть помещения, но там надо сделать ремонт. И он до сих пор не сделан.

Г.Б.: А когда начался процесс?

Б.Д.: В феврале задание было сформулировано. Но там ещё много инстанций надо проходить. Думаю, что к началу июля придут люди с инструментами. Это же не просто паркет положить. Нам нужно проводку для компьютеров и кондиционеров.

Г.Б.: И какова площадь помещения?

Б.Д.: У нас там 2 маленькие комнаты пятигранные. И одна комната, где будет нечто вроде компьютерного зала. Там мы и будем работать.

Г.Б.: Они месяца 3 будут ремонтировать.

Б.Д.: Хотелось бы, чтобы к началу учебного года всё уже было.

Г.Б.: Если они к июлю придут, то к началу года они помещение не отремонтируют. Я могу с вами поспорить.

Б.Д.: Мне бы хотелось в этом споре выиграть.

Г.Б.: Что самое приятное, что вы увидели, приехав сюда? Что в вас вселяет оптимизм?

Б.Д.: Оптимизм в меня вселяет то, что очень много молодых людей, которые хотят заниматься математикой. Мы уже говорили на тему мотивации. Здесь должна быть любовь к математике. И много талантливых людей, с которыми я рад работать, вселяют в меня надежду, что я не зря связался с этим делом.

Г.Б.: Не жалеете?

Б.Д.: Пока нет.